

**ХЕНКЁ ТАКАХАСИ ТОМИО: ВОСТОЧНЫЕ ВОСТОКИ И ЗАПАДНЫЕ
ЗАПАДЫ¹**

Хопсон Н.

DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10029

Хопсон Натан, профессор Высшей школы гуманитарных наук, университет
Нагоя, Фурочо, Чикуса Уорд, Нагоя, префектура Айти 464-8601, Япония
E-mail: nathan.hopson@gmail.com

Статью перевели и подготовили к публикации:

Саракаева Элина Алиевна, к. филол. н., Хайнаньский профессиональный колледж
экономики и бизнеса Хайкоу, Китай.
E-mail: 2689655292@qq.com

Якушенкова Олеся Сергеевна, доцент кафедры культурологии, кандидат
философских наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».
E-mail: jestershadow@mail.ru

В 1979 году историк Такахаси Томио, применив фронтирную теорию Фредерика Джексона Тернера к анализу истории японского государства и национального становления, заявил, что, в то время, как западный фронтир определил американский национальный характер, восточный фронтир повлиял на ход древней японской истории. Такахаси, будучи ученым, родившимся в Северо-восточной Японии (Тохоку), попытался преодолеть ограничения японской истории с помощью структурной модели, признающей взаимно образующий характер ядра и периферии, метрополии и фронта. В статье прослеживается развитие аргументации Такахаси, обращается внимание на влияние на неё его личной истории и универсалистских тенденций ранней послевоенной японской историографии. В конечном счете, тезис Такахаси о фронтире не прижился, и его известность в исследованиях Тохоку уменьшилась. Тем не менее, так называемый «Дзёмонский бум» начала 1990-х годов и подъем «тохокулогии» (тохокугаку) достигли цели признания роли Северо-востока гораздо лучше, чем это мог бы сделать его фронтирный подход. С другой стороны, фронтирная теория была отвергнута ведущей фигурой «тохокулогии» Акасакой Норио, который полагал, что значение Северо-востока свидетельствует не о наличии универсальных исторических законов, а о том, что Северо-восток, который был отсталой периферией, нужно было завоевать и использовать.

Ключевые слова: фронтир, Фредерик Джексон Тернер, Тохоку, универсализм, историография, послевоенная мысль, регионализм, Умехара Такеши, Акасака Норио, эмиси.

¹ Редакция журнала выражает благодарность Натану Хопсону и редакции Japan Review за предоставления права на перевод и публикацию статьи Hopson, N. (2014) Takahashi Tomio's Henkyō: Eastern Easts and Western Wests. *Japan Review*, (27), pp. 141–170.

Введение

В 1979 году историк Такахаси Томио написал полемическую работу по японской истории под названием «Хенкё» (Henkyō 辺境), что означает «фронтир». В ней он, применив «фронтирный тезис» Фредерика Джексона Тернера к истории японского государственного и национального образования, утверждал, что, как западный фронтир определил американский национальный характер, так и восточный фронтир определил ход древней японской истории и характер самой Японии. Такахаси был яростным критиком исторической картины, пропагандируемой официальным государственным подходом. Подзаголовок этой книги, «Мо хитоцу но Нихонси» (もう一つの日本史), имеет двойное значение. «Другая японская история» заявляет о намерении Такахаси полностью переосмыслить японскую историю, но также может быть понята и в контексте того, что фронтир – это «другая Япония», как часто называл свой родной регион Тохоку (Takahashi and Umehara 1985; Takahashi 2007a). Новый взгляд был не корректировкой, а настоящей революцией, к которой стремился Такахаси.

Революционное видение в Хенкё было вызвано комбинацией трех факторов. Во-первых, траекторией карьеры Такахаси как историка. Во-вторых, историей Тохоку в начале XX в., оказавшей глубокое влияние на отношение Такахаси к национальному государству. Первоначальные попытки экономического развития Северо-востока были оставлены ради программы систематического превращения региона в периферию, которая обескровила Тохоку и сделала его уязвимым для капризов климата и международного экономического кризиса. Нищета и бесправие в Тохоку в эти годы внесли свой вклад, что вылилось в региональную поддержку «фашизма» и экспансионизма в 1930-х гг. (Kawanishi 2000, pp. 95–97)¹. Хенкё стало важной вехой в «послевоенной мысли» Такахаси: сформированный опытом модернизации, войны, поражения и восстановления, опыт этот заметно отличался на Северо-Востоке от городских центров сосредоточения экономической, культурной, и политической власти. В-третьих, работу Такахаси следует рассматривать как отказ от основных версий истории Тохоку, и, в то же время, в более ограниченном контексте послевоенной японской историографии. Хенкё лучше всего воспринимается как часть попыток послевоенных историков пересмотреть историю Японии в

¹ Хороший анализ поддержки фашизма в Тохоку, вызванной тяжелыми условиями жизни в регионе в 30-е гг. находим мы у Мори (Mori 1976).

универсальных рамках мировой истории, хотя фронтирная модель Такахаси в конечном счете не смогла добиться значительного признания в историческом сообществе. Фактически, он был явно отвергнут фольклористом Акасакой Норио (赤坂憲雄), вслед за Такахаси ставшим в 1990-х гг. одним из знаковых фигур в исследованиях Тохоку, а также учёным, чьим важнейшим вкладом в историю Японии явился предложенный отход от универсализма. С другой стороны, главная цель Такахаси – восстановление истории и культуры Тохоку в рамках и противовес национальной истории была достигнута.

Эта статья состоит из пяти разделов. В первом разделе дается обзор фронтирной теории Тернера, в том числе ее многочисленных приложений в мировой историографии и резюме ее критики. Во втором разделе кратко описывается личная и профессиональная история Такахаси. Третий раздел представляет собой ограниченный анализ аспектов современной истории Тохоку, относящихся к политической и историографической позиции Такахаси. В четвертом разделе рассматриваются основные аспекты послевоенной японской историографии, пересекающиеся с работами Такахаси.

В конце я суммирую суть фронтирного подхода Такахаси, от первоначальной формулировки в 1955 году до реализации Хенкё в контексте послевоенной историографии.

Часть 1: Тернеровская фронтирная теория

Историческое значение фронта в американской истории получило признание достаточно рано. Томас Джефферсон и Бенджамин Франклин были среди тех, кто заявляли о его влиянии на формирование американского национального характера и институтов, под которыми они подразумевали «ценности независимости, индивидуализма, самодостаточности, сопротивления навязанной власти и так далее» (Furniss 2005, p. 25).¹

Однако, именно Фредерик Джексон Тернер популяризировал роль фронта в формировании американского национального характера. Прошло более 120 лет с тех пор, как Тернер на специальном заседании Американской Исторической ассоциации в 1893 году представил свою эпохальную работу «Значение фронта в Американской истории». Бюро переписи определяло фронтир как

¹ В той же мере, в какой «фронтир» в разное время была зоной контакта с коренными американскими обществами, и что эти коренные группы часто были рады приветствовать «дезертиров» из англо-европейских поселений, вполне возможно, что он мог также выступать в виде механизма сдерживания чрезмерно силовых методов властей даже в первые дни пуританских колоний (Mann 2005, pp. 329–37).

район с плотностью населения от двух до шести человек на квадратную милю, а все остальное – дикие земли. Перепись 1890 г. показала, что, если следовать этому определению, американские поселения уничтожили последние следы западного фронта. Оценивая это знаменательное событие, Тернер заявил, что «до наших дней Американская история была в значительной степени историей колонизации Великого Запада. Существование свободной земли, ее непрерывное сокращение и продвижение американского поселения на Запад объясняют развитие Америки» (Turner 1893). Не создание колоний сформировало уникальную американскую культуру, но столкновение с аборигенами и завоевание дикой природы. За создание американского общества и американской истории больше всего ответственны не все еще «слишком европейские города» Востока, но последовательные эволюция и деволюция, происходившие на еще нецивилизованной «свободной земле». «Фронтир – это линия наиболее быстрой и эффективной американизации», – писал Тернер. Сначала «дикие земли господствуют над колонистами», но со временем все меняется. Внезапное воздействие земли и возможностей, не связанных историей и европейской цивилизацией, вернуло поселенцев к своего рода примитивности, из которой вновь возникла культура независимости и индивидуализма для решения проблем этого дивного Нового Мира. Другими словами, хотя география фронта со временем менялась по мере заселения, именно фронтальный «процесс» создал Америку и «американцев» (Turner 1893).

В 1896 году Тернер красноречиво повторил свой аргумент в статье для *Atlantic Monthly*:

«Запад, по своей сути, является формой общества, а не территорией. Этот термин применяется к региону, социальные условия которого являются результатом использования старых институтов и идей, изменяющихся под влиянием наличия свободной земли. Благодаря этому неожиданно создается новая среда, открывается свобода возможностей, нарушается торжество обычаев, появляются новые виды деятельности, новые линии роста, новые институты и новые идеалы.

Дикая природа исчезает, «Запад» переходит на новый фронт, а на прежней земле из этого контакта с глухим лесом появляется новое общество. Постепенно оно теряет свои примитивные черты и ассимилируется с более старыми социальными условиями Востока; но в нем еще остается след его фронтального опыта» (Turner 1896).

Поток статей как в академических, так и в популярных сообществах ускорил принятие его видения уникальной американской истории, наследия и характера и обеспечил ранее неизвестному исследователю со Среднего Запада профессорство в Гарварде. Шумиха, возникшая вокруг его гипотезы, демонстрирует силу его идеи. Чтобы оказать такое огромное влияние на американское воображение, фронтирная теория должна была восприниматься как «социально достоверной» большинством американцев¹.

Чтобы считаться действительно великим мыслителем в свое время, (каким и был Тернер), часто требуется не оригинальность или уникальность, а ясность и красноречие в выражении популярной, или весьма достоверной, мысли (Oguma 2002, p. 21). Если бы взгляды Тернера не нашли отклика в общественном сознании, он никогда бы не был возведен в ранг столь фундаментального национального мифа, даже несмотря на его работу в Гарварде. И если бы он не сохранил уровень правдоподобности и объяснительной силы – несмотря на фактическую основу – маловероятно, что тезис Тернера о фронтире все еще был бы важен для американского сознания. Тернеровское видение американской истории настолько значительно, что и спустя десятилетия после того, как академическая непоколебимость этой теории пошатнулась, она не утратила своих позиций в общественном восприятии прошлого.

Начиная с 1930-х гг. (и особенно после появления новой социальной истории в 1960-х годах), фронтирная теория подвергалась острой критике. Тернер был раскритикован за «этноцентризм и триумфализм» и создание нарратива, игнорирующего все, кроме белых англоговорящих поселенцев-мужчин, завоевывавших «свободные земли» и их «обильные ресурсы» (Furniss 2005, p. 28). Вышедший в 1968 году труд Ричарда Хофстедера «Прогрессивные историки» содержит особенно исчерпывающий анализ отхода Тёрнера от его собственного фронтирного видения.

Они включают:

«неосторожные, расточительные и эксплуататорские методы американского сельского хозяйства; ... общая трата ресурсов и осквернение первоначальной природной красоты; неспособность новых земель создать общество, свободное от безземельных рабочих и арендаторов...; стремительность ... новых городов; ... грубость и беспорядок, готовность к совершению насилия и готовность терпеть насилие; частая жестокость фронтирной ментальности...;

¹ Идея «социальной достоверности» (social plausibility) взята нами из работы Альфонсо Переса-Аготе по баскскому национализму (Pérez-Agote 2006, p. 50)

высокомерные, надменные и самодовольные оправдания доктрины Явного предназначения, порожденной американским экспансионизмом» (цит. по Limerick 1995, p. 698).

Эстафету этой критики подхватили так называемые «новые западные¹ историки»². Поскольку новая западная история продолжала расти и развиваться, Тернер, возможно, уже утратил главенствующие позиции, а новые историки часто определяли свои взгляды как антитезу Тернера. Ритуальное отрицание Тернера во многих их работах, однако, еще больше свидетельствует о силе и долговечности его идеи. Как и следовало ожидать, этот научный поворот мало что сделал, чтобы ослабить влияние Тернера на общественное сознание (Brinkley 1992).

Надежность тернеровской фронтальной теории обусловлена не только ее эмоциональным посылом, но и ее гибкостью, и это сделало его идеи устойчивыми и не поддающимися опровержению. Как когда-то сокрушалась выдающийся представитель школы «новых западных историков» Патрисия Нельсон Лимерик, «в то время как работа Тернера была оценена как настоящий хаос, существующий на эфемерном фундаменте предположений мета-уровня, его фронтальная теория – это настоящий концептуальный Джаггернаут. Уже на протяжении столетия тернеровские условия, силы, идеалы, институты, признаки, типы, элементы и процессы остаются неразгаданными... Вы вольны подробно показать, что эти концепции существуют без большого количества доказательств, но абстракции Тернера и его наследие остаются нетронутыми». Лимерик уподобила борьбу с тернеровским Титаником «борьбе с пекаренком Пиллсбери³, который в мгновение сжимается, поглощая силу, и тут же возвращает свою предыдущую форму» (Limerick 1995, pp. 697–98). Это неудивительно, потому что, как утверждала Джульет Митчелл, «мы живем как идеи» (Davis 2005, pp. 13), то есть нарративы, а не факты, что направляют и «ограничивают возможности публичного дискурса» (Furniss 2005, p. 42).

Говоря о роли американского фронта в популярной культуре, Ричард Слоткин выразил аналогичную идею (возможно, случайно), но

¹ «New Western historians» – возможно, правильнее было бы перевести «новые историки Запада» – речь идет про новое направление в исторической науке США, посвященное новым подходам к изучению истории Дикого Запада (прем. редактора).

² Выбор термина «западной», а не «фронтальной» или «американской» истории уже является вступительным залпом против Тернера; хотя Тернер был не прочь использовать слово «Запад», но это не то, за что его помнят. Отказ новых западных историков от слова «Ф» не получило всеобщего одобрения.

³ Пекаренок Пиллсбери – англ. Pillsbury Doughboy, торговый персонаж-талисман компании Пиллсбери, занимающейся выпуском мучных изделий. Пекаренок стал своеобразным символом производителя и персонажем многих рекламных компаний. (прим. переводчика)

в более оруэлловских терминах: «Повторение является сутью [процесса] «создания» видений, которые внушают веру» (Slotkin 1973, p. 20).

Отчасти потому, что он считал фронтир не фиксированным местом, «а скорее подвижной зоной оккупации», Тернер сопротивлялся жесткому определению для своего ключевого термина (Furniss 2005, pp. 29–30). И, в результате своей гибкости, термин Тернера стал широко применим в мировой истории. Несмотря на сомнительную фактологическую основу, лежащую в основе, Тернер предоставил ученым полезный инструмент, с помощью которого можно сравнить и сопоставлять истории развития различных государств.

В российской истории несколько авторов успешно применяли фронтирный подход к различным этапам российской истории, от средневекового киевского государства до расширения Московской империи по всей Сибири до Тихоокеанского побережья, уподобляя Сибирь американскому фронтиру. Йозеф Вьецинский (Joseph Wieczynski), будучи одним из самых непоколебимых последователей Тернера, заявлял, что «знаменитая» фронтирная теория», провозглашенная профессором Фредериком Джексоном Тернером, кажется актуальной как для оценки истории Киевской Руси, так и для американского Запада» (Wieczynski 1974, p. 284). И он не был одинок (Khodarkovsky 1992; Sixsmith 2012).

Историю современных колониальных государств, таких как Канада, Австралия и Израиль, часто рассказывали через призму фронтирных паттернов¹. История Израиля также была представлена в терминах фронтирного нарратива Тернера, хотя здесь различия выделяются также часто, как сходства. В кратком обзоре С. Илана Троена, например, говорится, что и Соединенные Штаты, и Израиль были колонизированы европейскими эмигрантами, которые мало учитывали благополучие предыдущих жителей, но израильский опыт «колонизации был высоко централизованным и направленным опытом, который часто поддерживал социалистические формы урегулирования. Он поощрял... самопожертвование, а не «индивидуальное улучшение», которое было доминирующим духом и целью американской модели колонизации» (Troen 1999, p. 303; также Dann 2013).

Одним из самых поразительных примеров применения тернеровской теории произошел за пределами исторической науки. В

¹ Использование фронтирной модели не означало, что эти ученые не видели отличий от американской истории (Eccles 1983; Davis 2005; Furniss 2005, pp. 32–40).

1978 году социолог Мюррей Мелбин, размышляя о 24/7-тизации¹ американского общества, выдвинул предположение, что Время, как и Пространство, колонизируется людьми. Мелбин предположил, что по мере того, как жизнь все чаще проходит круглосуточно, американская ночь должна демонстрировать характеристики, подобные тем, которые описаны Тернером для фронта. К тому времени, как Мелбин написал «Ночь как фронт», теория Тернера давно была дискредитирована как нарративная история американского Запада, но ее описательный потенциал и яркость все еще активно использовались. Мелбин, следуя Тернеру, заимствовал демографическое определение фронта (Melbin 1978, p. 6). К этому он добавил несколько качественных характеристик, полученных из научной литературы, в том числе: снижение социальных ограничений, децентрализованность и ограниченность роли правительства и, казалось бы, противоречивое сочетание повышенного градуса насилия и повышенной пользы. Статистические и полевые исследования Мелбина привели его к выводу, что, хотя Тернер заявил, что фронт закончился, «он никуда не исчез. В ту эпоху, когда завершалось формирование нашего территориального фронта, началось крупномасштабное перемещение в ночь бодрствующей активности, которое продолжает распространяться по всему миру» (Melbin 1978, p. 21).

Несмотря на утверждения, что космос и Аляска являются, соответственно, «окончательными» и «последними» фронтами², новые фронты появляются с поразительной регулярностью. В последние годы возможности Интернета как «электронного фронта» привели к тому, что многие ученые начали сравнивать онлайн-мир с американским Диким Западом Тернера и рассматривать индустрию коммуникационных технологий как постмодернистский Дикий Запад (English-Lueck 1994; Carveth and Metz 1996.). В то время как Интернет меняется с умопомрачительной скоростью, идея «электронного фронта» на данный момент жива не в последнюю очередь в форме некоммерческой организации, борющейся за гражданские права в интернете, Electronic Frontier Foundation. Сегодня заголовки говорят нам, что инвесторы борются с новыми фронтами, столкнувшись со значительным риском на «фронтирных рынках» (Caldwell 2013). Только за последние три года в журнале «Science» появилось более десятка статей с названием «frontier» (Won 2013). Мы не потеряли

¹ 24/7 – круглосуточное обслуживание все семь дней недели (прим. редактора).

² «Аляска: Последний фронт» (Alaska: The Last Frontier) – название документального сериала канала Дискавери; «Космос – окончательный фронт» (Space – the final frontier) – начальная фраза из фильмов сериала «Звездный путь» (прим. редактора).

интереса к фронтиру, и большая часть наших как претензий, так и благодарностей за непреходящую силу этой идеи адресованы Тернеру.

Часть 2. Такахаси Томио

Выдающийся японский историк послевоенного времени, Такахаси Томио мало известен за пределами Японии. Возглавив исследования Тохоку в период с 1950 до 1980-ых годов, он более, чем кто-либо другой, оказал влияние на рост академического интереса и общественного осознания проблемы Тохоку (Akasaka 2003). Безусловно, на его исследования повлиял тот факт, что сам ученый провел в Тохоку свои молодые годы. Он родился в 1921 году в префектуре Иватэ, в одном из беднейших районов Японии. Его детские годы пришлось на трудные 1930-ые и последующий тяжелый период, когда Тохоку сильно пострадал из-за бедствий и тягот японской 15-летней войны. Окончив исторический факультет Тохокского императорского университета в 1943 году, Такахаси на короткое время остался в своей alma mater в качестве исследователя, затем преподавал в школе в течении нескольких лет. В 1949 году он вернулся в переименованный к тому времени Тохокский Университет и получил работу на менее престижном факультете «общих предметов».

Такая маргинализация в собственном университете по-своему характерна для человека, посвятившего жизнь тому, чтобы вывести свой древний край из состояния маригнальности и фронтирности. Одним из пиков научных достижений ученого был труд «Хэнкё», в котором автор задает своему исследованию жесткие теоретические рамки. Однако, чаще всего было наоборот – наблюдения Такахаси предвосхищали его теоретические обоснования, когда он рассматривал обширные и однообразные свидетельства по истории древнего Северо-востока.

Исследование Такахаси сосредоточено на трех ключевых вопросах. Во-первых, идентификация коренного населения района, обозначенного в древних источниках термином «эмиси» (蝦夷). Такахаси удалось убедить научное сообщество что «эмиси» это не этноним, а номинант, подчеркивающий социополитическую и культурную общность, но не биологическое отличие (Takemitsu 1994; Kudō 2000, 2001)¹.

¹ Такахаси основывал свои построения на продуктивных прозрениях японского историка Кита Садакити (Kita Sadakichi) (Kita 1972, 1979b, 1979a; Takahashi 2008). По поводу дискуссии Такахаси о «послевоенных идеях» Такахаси и их связи с проблемой «эмиси» см. работу Хопсона (Hopson 2013)

Во-вторых, его интересовал Хираидзуми (平泉) – полития XII в., существовавшее в Тохоку, внесенный в список ЮНЕСКО в 2011 году. Хираидзуми был вершиной культурных, экономических и политических достижений Тохоку, он указывал на скрытый потенциал региона и его населения, проявляющийся в полной мере, когда они не раздавлены суровым климатом и свирепыми соседями с юга¹.

Третьим направлением исследований Такахаси был фронтир. Правда, в отличие от «Хэнкё», в других работах ученого важность фронта не обсуждалась, а принималась как нечто само собой разумеющееся.

Эти темы имели перихоретическое отношение к триединому проекту Такахаси, а именно к его видению истории Северо-Востока, который продемонстрировал бы культурную и историческую ценность там, где до этого мало что было найдено (Takahashi 1955, pp. 43–44)². Этот амбициозный ревизионизм не соответствовал общественным настроениям, когда Такахаси начал свою карьеру в начале 1950-х гг. В то время времена общераспространёнными были представления о преобладающей «отсталости» Тохоку (Kawanishi 2007, p. 225). Ученые сокрушались по поводу феодальных пережитков, препятствующих развитию региона, в то время как журналисты воскресили довоенную риторику о том, что Северо-восток «самый бедный и наиболее отсталый в культурном отношении район в Японии, не лучше, чем прежние колонии» (Kawanishi 2000, p. 97). Для Такахаси важно было не то, что Тохоку беден – но почему он беден, каким он был раньше, что и кто ответственен за его теперешнее положение. Ученый доказывал, что пресловутая культурная и экономическая «отсталость» — это не продукт современности, но наследие древних времен, когда собиратели и охотники японского Востока столкнулись с рисоводческой культурой западной японской государственности, которая поддерживалась тысячелетиями безжалостной политической и экономической эксплуатации и угнетения. В этом Такахаси шел вразрез с большинством послевоенных историков, винивших во всем модернизацию Японии (Okada 1983b, 1983a, Kawanishi 2001, Iwamoto 2009). В любом случае, годы юности, проведенные в Тохоку, повлияли на взгляды Такахаси больше, чем он мог сам осознать.

¹ Ко времени написания единственной работой о Хираидзуми на английском языке была книга Yiengpruksawan 1998

² В ином контексте Питер Пердью гениально прокомментировал важность и сложность написания подобной истории. Комментарии Пердью оказываются своеобразным эхо рациональному оптимизму Такахаси (Perdue 2005, p. 411)

Часть 3. Современный Тохоку и современная Япония

Когда новая Япония принялась проводить политику развития островов и колоний, Тохоку получил на время статус фронта – после чего его быстро снова переименовали в периферию (Kabayama et al. 1984, pp. 13-17, 32-33). По империи пронесся вихрь реформ модернизации, изменявший ландшафт, общество и экономику, но в итоге политики и бизнесмены оставили попытки развития местной индустрии на Северо-востоке, не игравшем большую роль в стране. Разговоры о развитии продолжались, но фокус с развития предприятий на Тохоку сместился на выкачивание из него ресурсов.

Хотя пик противоречий между империей и ее отдаленной провинцией приходится на последнюю половину VIII в., конфликты предшествовали еще Реформам Тайка, начавшимся в 645 г. – факт, о котором ни одна сторона не забыла¹. Во времена революции Мэйдзи вожди кланов Тохоку примкнули к проигравшей партии – и сразу хлынула волна доказательств что Северо-восток дик, неуправляем и нуждается в суровом наказании (Ichinohe 1997; Iwamoto 1998, p. 249; Kawanishi 2000, pp. 93–94). Первым, кто подал свой голос за смягчение давления, был олигарх периода Мэйдзи Окубо Тосимити 大久保利通. Возможно, веря, что активная и добровольная поддержка северян откроет доступ к их ресурсам и поспособствует политической стабильности, Окубо предложил дюжину проектов, как подкупить племена Северо-востока и одновременно наложить руку на их богатства и ресурсы для пользы Токио. Его планы включали строительство портов, дорог и каналов, которые соединили бы провинцию со столицей, а также касались активной разработки шахт по всему региону. Меры эти должны были временно обеспечить рабочими местами местное население и сделать ресурсы провинции доступными для промышленников и нового правительства Мейдзи. Это было в интересах всех сторон: проекты Окубо сулили быстрое возвращение вложенных денег, а олигархам процветание, что, с свою очередь, выливалось бы в их поддержку правительству, а также в долгосрочные экономические достижения в регионе (Takahashi 1976, pp. 281–93; Iwamoto 2009, pp. 18–22.).

Проекты продолжали разрабатываться даже после убийства Окубо в 1878 г.. Но с его смертью угас интерес к завоеванию симпатий населения Тохоку. Это привело к агрессивному развитию строительства, которое только еще больше маргинализовало Тохоку, отводя ему роль источника рабочих рук для развития урбанистических

¹ О ранних этапах взаимоотношений между японским государством и Северо-востоком см. Friday 1997

проектов. Так, хотя строительство железно дороги приветствовалось многими на Севере как некий символ цивилизации, было и не меньше таких, кто видели в ней насос, который откачивает кровь сельской Японии в ненасытные города. Рост шахт тоже служил примером выкачивания ресурсов: к 1912 году около дюжины японских предприятий контролировали все рудники Северо-востока. А поезда вывозили из Тохоку не только минералы, но рабочих для фабрик и женщин для борделей метрополии. Кому на пользу служит такое «развитие», было совершенно понятно. Порты, заводы и шахты перевозили ресурсы провинции в Токио, а построенные в Тохоку электростанции производили электричество не для провинции, а для заводов в Канто (Iwamoto 2009, p. 58; Okada 2012, p. 23)¹. Инфраструктура строилась с четким прицелом на эксплуатацию ресурсов, но отнюдь не для развития Северо-востока, которому оставалось прозябать на периферии (Iwamoto 1998, pp. 244–56; Chase-Dunn and Hall 1997; Wallerstein 2004; Wigen 1995).

Ситуация оставалась аналогичной той, что существовала в отношении колоний, но были и отличия. Северо-восток стал постоянным поставщиком рабочей силы и необработанной продукции наравне с колониями. На Хоккайдо, Тайване и в Корее военный, промышленный и культурный капитал Токио вкладывался в интеграцию этих новых колоний в имперскую систему. Существовавшая экономическая и политическая инфраструктура заменялась целиком. И Тохоку, и колониям отводилась роль экономической периферии, снабжавшей ресурсами японскую имперскую метрополию. Правда, в Тохоку уже существовала сложившаяся социо-политическая система, контролируемая из центра. И все же те, кто утверждал, что Тохоку обошла стороной модернизация, были по-своему правы. Хотя страх быть «обойденными» национальным прогрессом был ключом к перестройке идентичности и лояльности от местного к национальному², Тохоку остался в стороне от характерного для центральных регионов Хонсю стремления к модернизации и индустриализации (Kawanishi 1996). Образ Тохоку как «беднейшего региона Японии» где люди живут так

¹ АЭС Фукусима-дайити является великолепным примером длительного использования Тохоку в качестве «национальной жертвенной зоны» на подобие размещения атомных реакторов на территориях резерваций коренных американцев в США (Ishiyama 2011; Kawanishi 2011, p. 20).

² Схожие настроения были отмечены по отношению к послевоенному размещению ядерных станций и подобных объектов, сопровождавшихся настроениями НИМБИ (Penney 2012).

же, как «примитивные тайваньцы», имел под собой реальные основания (Kawanishi 2007, p. 212)¹.

Компания Тохоку Синкокай (東北振興会 Tōhoku Promotion Association; ТРА²), основанная в 1910 и закрытая в 1923 г., может послужить примером неудачной попытки «развития» Северо-востока. Деятельность ТРА, выражавшей интересы олигархов, близких правительству, и делавшей все, чтобы превратить Тохоку в периферию, была типичной для убежденности японцев в «отсталости» региона. Руководитель компании, Сибусава Эйити (渋沢栄一)³, утверждал, что неудача в развитии региона вызвана сочетанием «политических факторов, включающих предвзятость правительства Мэйдзи» и «беспомощностью местных жителей, отсутствием у них предпринимательского духа». При этом он предлагал инвестировать в транспортную и промышленную инфраструктуру, для лучшего извлечения ресурсов Тохоку (Okada 1983b, pp. 35–43; Okada 1983a; Iwamoto 2009, pp. 50–53). Другие бизнесмены говорили, что проблема Тохоку не бедность, а неиспользованные богатства. Предприниматель из Киото Мураи Китибэй (村井吉兵衛) писал, что нет толку от густых лесов и обширных полей, если они не используются. Как и Сибусава, он винил во всем лень местных жителей и то, что правительство не сумело должным образом возглавить эксплуатацию «безумных богатств» Тохоку для нужд империи (Kawanishi 2001, p. 32).

Очень схожие настроения выходили из-под пера выдающегося историка Хары Кацуро (原勝郎). В 1920 году Хара, получивший образование в области истории Запада, был первым японцем, написавшим историю Японии на английском языке. Именно ему принадлежит заслуга введению в японскую историю понятия «средневековья» (中世). Сын самурая, он родился в 1871 году в княжестве Мориока (ныне префектура Иватэ), учился в Токийском императорском университете, и, после его окончания, стал первым профессором истории Запада в Императорском университете Киото. Его работа «Введение в историю Японии» переполнена гордостью за древнюю японскую цивилизацию и за ее новейшие достижения: «Япония может по праву гордиться своей блестящей цивилизацией», — пишет он, — это уникальная цивилизация и одновременно микрокосм

¹ Каваниси цитирует статью журналиста Симомуры Тиакки (Shimomura Chiaki), переведенную на английский язык как «Touring Famine-Struck Regions: A Report on the Ghastly Conditions in the Northeastern Farm Villages» (Hane 2003, pp. 119–33).

² «Ассоциация по продвижению и развитию Тохоку» (прим. переводчика).

³ Сибусава Эйити (1840 – 1931) известен сейчас как «отец японского капитализма», так как благодаря его стараниям были заложены основные формы капитализма в Японии. Эйити Сибусава был великим мечтателем, желавшим преобразовать Японию в новый тип государства (прим. редактора).

всемирной истории» (Naga 1920, p. 1). Однако по отношению к родному Северо-востоку Хара испытывает некую национальную гордость, вывернутую наизнанку. В лекции, прочитанной в Тохоку в 1917 году, он утверждает, что Северо-восток всегда был самым диким и отсталым регионом Японии и донныне тянет империю вниз. Северо-восток только начал восхождение от полного варварства благодаря направленным усилиям князей-даймё периода Токугава, и, в целом, совершенно для Японии бесполезен. С точки зрения Хары, сочетавшего в себе увлеченность западной историей, переходящей в преклонение перед Западом, и восторженный национализм, Тохоку – это черное пятно на новой японской империи (Naga 1972). Тон его, правда, несколько смягчается в книге «Введение в историю Японии», там он, вслед за Сибусавой и Мураи, в отсталости Тохоку винит современное государство. В 1920 году историк уже в меньшей степени приписывает отсталость Тохоку тяжелым климатическим условиям, не уступающим в суровости климату Скандинавии и северной Германии, чем эксплуатации современным государством: «К несчастью для Северо-[востока], внимание нации в это время было отвлечено от внутренней колонизации к зарубежным отношениям. К тому же приобретение заморских владений (sic!) уменьшило интерес нации к эксплуатации Тохоку» (Naga 1920, p. 27).

Все это происходило до Депрессии, цунами и голода 1920-ых и 1930-ых. В период Токугава Тохоку переживал неурожайные годы с пугающей частотой раз в каждые 4 года, а в период между 1868 и 1926 годами - почти каждый второй год, по причине ошибочной экономической политики, спекуляций и череды холодных лет. В тот же период, когда Япония постаралась превратить Тохоку в свою главную рисовую житницу, продолжающаяся плохая погода привела к страшному голоду 1913 года¹. Потом грянула Великая Депрессия, цены на шелк обрушились, что привело к разорению многих хозяйств. Чередование то обильных, то скудных урожаев привело к резкому падению цен, за которым последовала вызванная спекулянтами гиперинфляция. По всей Японии господствовала риторика «национального кризиса» и «особых времен», но, что касается Северо-востока, здесь кризис был не просто пустыми словами – перед людьми стоял вопрос выживания. Между 1929 и 1934 годами Тохоку пришлось пережить еще два ужасных неурожая риса, Сёва Санрику землетрясение и цунами, которое уничтожило более 7300 рыбацких лодок и 470 домов и забрало 3000 жизней (Kawanishi 2007, pp. 64-65).

¹ До практически полного отсутствия урожая зерновых в 1934 г. И последовавшего за этим голода имела места череда неурожая в 1868-69, 1871-72, 1877-80, 1882-87, 1889, 1892, 1894, 1896-97, 1902, 1905, 1910-13, 1919, 1925, 1931. См. Cho 1965, p. 78. О голоде см. Kawanishi 2007, pp. 29, 76

Как писал Г.Г. Аллен, «сельское хозяйство находилось в состоянии полного упадка» (Allen 2003, p.98). Конечным результатом экономической депрессии 1920-х гг. и нестабильности рынка после 1929 года стало то, что денежные доходы в сельской местности в 1931 году составляли лишь треть от того, что было пять лет назад. Долги крестьян росли. Единственный товар, который можно было продать и который только оставался в крестьянских хозяйствах – это были их дочери, и их стали тысячами продавать под тем или иным видом в проститутки. Возвращение на родину, к голодным семьям, тысяч мужчин, лишившихся заработка в городах, и неразумная фискальная политика правительства еще больше усугубили кризис. Голод 1931 года поразил всю Японию, но особенно тяжелой была ситуация на Хоккайдо и в трех префектурах Северного Тохоку, где голодало более 500 000 человек (Chō 1965, pp. 78–81; Yamashita 2001, p. 88).

Но, даже после ужасных человеческих и имущественных потерь (включавших, к примеру, разрушение всех домов, кроме 4, в одной приморской деревне), причиненных цунами Санрику, записи от 1933 года дают основание надеяться на экономическое возрождение. К несчастью, надежда оказалась обманчивой. 1934 год оказался самым голодным годом столетия на Северо-востоке. Если условия жизни в 1931 году описывались как «нечеловеческие», то в 1934 году – как «адские»¹. Все лето было неизменно холодным, дожди лили непрерывно с 10 июля по 8 августа. В сентябре грянул тайфун Мурото (室戸台風), установивший мировой рекорд как тайфун с самым низким атмосферным давлением и самой высокой скоростью ветра. Он полностью уничтожил урожаи зерновых, и тем самым обрек на голодную смерть десятки тысяч людей. Мурато уничтожил 40% запасов риса, примерно по 2,400 кг. на одно хозяйство. В том же году цены на шелк упали на 50% по сравнению с 1896 годом. Повсюду царил голод, даже такие холодостойкие культуры, как просо, погибали (Ida 1997, p. 62)².

Несколько лет спустя, во время войны, которую Япония вела на континенте, один из чиновников Министерства внутренних дел полагал, что «прекрасные тела» солдат из Тохоку являются результатом естественного отбора: только самые сильные могут выжить в суровых условиях Северо-востока (Ichinohe 1997, p. 30). Как тут не вспомнить разглагольствования о положительном влиянии рабства на афроамериканцев. Нетрудно представить, что ужасные экономические условия в Тохоку оставили горький привкус у

¹ Журналист Ойя Соити (大宅 壮), путешествовавший по Тохоку в 1931, рассказывал о «нечеловеческих условиях» жизни крестьян (Yamashita 2001, p. 81).

² В целом ситуация напоминает описанную Дэвисом (Davis 2001)

Такахаси, проведшего там юность. Действительно, хотя ситуация несколько улучшилась в годы войны, неприязнь к рисоводству и государству ощущалась повсеместно во времена его детства (Kawanishi 2007, pp. 44–49, 143. Также Ichinohe 1997; Kawanishi 1996). Реакция Такахаси была тройственной. Он принимал, как факт, что политика правительства была виной обнищания Тохоку. Он отвергал популярные предположения, что расовые отличия местного населения от японцев были виной их отсталости. И он прослеживал японское иго в глубь истории Тохоку, описывая конфликты на японских островах как никогда на прекращающуюся войну между Востоком и Западом.

Часть 4. Послевоенная универалистская историография

Осенью 1945 года физическая, политическая и эмоциональная инфраструктура Японии была разрушена. Для большинства японцев капитуляция знаменовала не просто конец эпохи, но также и конец той системы ценностей, которая господствовала в эту эпоху. Интеллектуалы первых послевоенных лет остро осознавали потребность переосмыслить как место Японии в мире, так и свое собственное место в Японии (Yasumaru and Gluck 1995). Многие послевоенные мыслители тяготели к универалистским интерпретациям истории. С одной стороны, универсализм знаменовал собой отказ от партикуляризма и чувства национальной исключительности, которые и привели Японию к войне. С другой, это была позитивная реакция на современные демократические системы, обеспечившие столь внушительную победу бывшим врагам и нынешним повелителям Японии. На самом примитивном уровне, если современная демократическая и индивидуалистическая Америка могла наполнить животы и кошельки своих солдат, то и Японии было чему у нее поучиться (Dower 1999, p. 43).

Универалистская историография стала знаменательным явлением в интеллектуальной жизни послевоенной Японии, но она отнюдь не сводилась к принятию той самой современности, которую Япония прежде так стремилась отвергнуть и «превзойти». Огромная популярность марксизма и, в частности, коммунизма, в первые годы после капитуляции была отчасти обусловлена той универсальной схемой исторического процесса, которую предлагала марксистская теория. Согласно ей, история развивалась в соответствии с универсальными законами, которые вели человечество по предсказуемой дороге к победе пролетариата, хотя сам Маркс признавал возможность нескольких путей общественного развития. В первые послевоенные десятилетия марксизм пользовался настолько

заметным влиянием как на академические круги, так и на социальные движения, что правительство США оказалось вынуждено противопоставить ему свою собственную версию исторического универсализма – «теорию модернизации». По их инициативе была созвана Конференция по модернизации Японии, которая выпустила шесть томов, воспевающих эпоху Мэйдзи и отрицающих как существование каких-либо феодальных «пережитков», так и наличие серьезных структурных или культурных предпосылок для недавнего сползания Японии в милитаризм и экспансионизм. «Теория модернизации выросла в 1950-х годах из попыток западных ... ученых выявить универсальные процессы общественной трансформации», ее сторонники настаивали на естественности и неизбежности превращения Японии в демократическое капиталистическое общество, подобно тому, как марксисты настаивали на естественности и неизбежности пролетарской революции и социалистического общества» (Garon 1994, p. 347). Тот факт, что Арнольд Тойнби был более популярен в Японии после 1945 года, чем где бы то ни было в мире, свидетельствует о популярности в послевоенной Японии универсалистских исторических концепций в целом, что явилось результатом поражения (Kovalio 1994).

Работы Такахаси – это образец «послевоенной мысли». Такахаси был интеллектуалом – членом того движения, которое Маруяма Масао (丸山眞男) назвал «обществом покаяния» (悔恨共同体), в том смысле, что для него всегда был важен вопрос, как использовать опыт войны и поражения для создания новой ценностной системы, для рождения новой жизни из пепла милитаристского режима¹.

В интервью 2003 года Такахаси рассуждает о взаимосвязи своей научной карьеры с военным поражением и процессом послевоенного восстановления Японии: «Исследование Тохоку было, в некотором смысле, моим ответом на вопрос о том, что нам делать с послевоенной Японией. Я полагаю, что таково было общее ощущение людей, лично переживших поражение и послевоенный период. До поражения нас учили, что Япония – величайшая страна на свете, но потом все это исчезло в мгновение ока. А вместо того мы столкнулись с беспощадной правдой, что Япония – это, напротив, худшая страна, а японцы – худший народ на свете... Я имел возможность посмотреть на вещи с исторической перспективы, поэтому через некоторое время я начал искать в истории способы исцеления. Япония, в которую мы

¹ Мое определение «послевоенной мысли» основывается на работе Огума (Oguma 2002). Более детально борьба интеллектуалов в послевоенной Японии рассматривается в ряде работ (Oguma 2007; Umehara 2009; Umehara and Azuma 2012, pp. 305–313). Анализ идея Маруямы по «обществу покаяния» см. Barshay 1988, pp. 238–47; Yoneyama 1999, pp. 187–89.

раньше верили, была не той страной, в которой нам хотелось бы жить, и потому я, вместе со всей нацией начал искать ту Японию, которой можно было бы гордиться, и на которую можно надеяться»¹.

У Такахаси было довольно сложное отношение к марксизму, на него влияли и японские историки-марксисты из «фракции миндзоку» (民族派), и анти-марксист Тойнби. В последнем своём обзоре японской историографии, вышедшей в 1958-59 годах, Такахаси выразил одобрение историкам-марксистам из «миндзоку», таким как Исимода Сё (石母田正), Тома Сэйта (藤間生大) и Мацумото Синпатиро (松本新八郎), утверждавшим, что нация (миндзоку) является субъектом истории, которую «можно противопоставить антагонистам прогрессивных социальных преобразований, а именно японскому государству и американской оккупации» (Takahashi 1959, p. 102). Тем не менее, в своих последующих трудах Такахаси отверг миндзоку как понятие, фактически сливающееся с понятием государства. Тогда как историки фракции «миндзоку» рассматривали народ как жертву государства и противоположный ему центр легитимности, Такахаси обнаружил возникновение японской «нации-государства» еще в древности. Следовательно, он в равной степени и на нацию, и на государство возложил вину за жестокое обращение с Тохоку в древности и за современный милитаризм и империализм (Takahashi 1950, p. 166). Он, как и историки фракции миндзоку, не разграничивал этнос и гражданскую нацию, но он не был согласен с их жестким противопоставлением этноса и государства. По сути дела, он поддерживал предположение консерваторов о древности «нации-государства», но вовсе не радовался этому факту; он разделял желание историков-марксистов создавать антигосударственную историю, но не находил субъекта для этой истории.

Для Такахаси был неприемлем сам статус исторической науки в Японии, поскольку она сводилась к «истории государственного развития» (кокка хаттенси 国家発展史). Это, на его взгляд, была история, обслуживавшая частные интересы, в которой хроники элит, их властных центров, их интриг и институтов исключали из повествования больше, чем включали, и скрывали больше, чем раскрывали. С точки зрения Такахаси, двумя главными проектами древнего государства были строительство столиц на западе и традиции и покорение фронта на востоке. Этот последний проект был «великим проектом завершения на фронтире формирования нации-государства (миндзоку кокка 民族国家)» (Takahashi 2007b, p. 317). Однако официальная история (главным образом,

¹ Интервью в Акасака (Akasaka 2003, pp. 222–23)

ретроспективно) интерпретировала эти события как триумф цивилизации над дикостью и неумолимый ход прогресса, как об этом свидетельствует знаменитый отрывок из Нихон сёки, в котором государю Кэйко советуют завоёвывать землю восточных варваров (тои 東夷 или эмиси) – т.е. Тохоку. Советники Кэйко сообщают, что «...мужчины и женщины этой земли связывают волосы в пучок на голове ... и татуируют свои тела. Нрав их яростен, но их земли просторны и плодородны. Нам нужно напасть на них и отнять у них эту землю»¹. Это описание соответствует ранее данной характеристике эмиси как безжалостных и не знающих культуры животных, невосприимчивых к «цивилизующей благодати императора».

И такой взгляд на эмиси сохранялся в японской науке на протяжении веков, не оставляя места для истории, написанной от лица Северо-востока (Aston 1972, vol. 1, p. 203). Такахаси хотел исправить этот дисбаланс путем создания «общей истории Японских островов». На практике, это была история, придающая значение и роль восточной части Японии не менее, чем западной (Takahashi 1979, p. 10; Takahashi 1986, pp. 3–6).

Деля архипелаг по линии Большого разлома, Такахаси рассматривал культурное и политическое взаимодействие Востока и Запада как главную движущую силу японской истории, и он не был одинок в этом убеждении. Хотя Такахаси критиковал Хару Кацуро, оба они в этом вопросе придерживались географического детерминизма². Начиная с 1945 года, некоторые выдающиеся интеллектуалы, в том числе историк искусства Таникава Тэцудзо (谷川徹三), невероятно популярный медиевист Амино Ёсихико (網野善彦) и влиятельный философ Умэхара Такеси (梅原猛) разделяли воззрения Такахаси на древнюю и средневековую Японию как на архипелаг, распадающийся по линии восток-запад на две несопоставимые в экологическом, культурном и политическом отношении системы (Tanikawa 1971; Amino 1982; Umehara 1994). Исходя из этой предпосылки, размещающей собственно японское государство к югу и

¹ Цитата Нихон сёки из Aston 1972, vol. 1, p. 200

² Хара цитировал Элсуорта Хантингтона в качестве доказательства того, что Тохоку оставался захолустьем. Вряд ли это можно было бы назвать искренним аргументом, так как Хара была одним из трех японцев, опрошенных для создания этих оценок; другой был уроженец Мориока Нитобе Инадзо (Kogita 2009. Huntington 1915, pp. 1–30, fig. 24). Хара фактически превзошел Хантингтона и Такахаси, заявив, что география ответственна за раскол между Востоком и Западом в пределах Тохоку, между более развитой стороной со стороны Японского моря (старая Дэва) и безнадежно отсталой Тихоокеанской стороной (старая Муцу). Это была одна из первых исторических концепций Тохоку, которую Такахаси решил исправить. Он утверждал, что «[современная] японская история ответственна за распространение мифа о том, что именно в Дэве колонизация и расцвет культуры происходили наиболее быстро, а Митиноку была отсталой провинцией, всегда опаздывавшей на шаг» (Takahashi 1955, p. 33; Nara 1972).

западу от Большого разлома, а «другую Японию» – к северу и востоку, Такахаси строит свои основания для ответ на послевоенный вопрос, сфокусированный на истории Тохоку и его коренного населения, на их культуре и ценностях. Ранее Тохоку всегда изображали как варварские, нецивилизованные, отсталые задворки Японии, но военное поражение сделало возможной смелую смену полярностей, развернув модель, в которой легитимность власти всегда мыслилась как расходящаяся из императорского дворца концентрическими кругами (Barshay 1992, p. 297; Kersten 2004; Sasaki 2012, p. 42). Северо-восток оказался плодородной почвой для рождения новой истории «желательной» Японии, и большая часть карьеры Такахаси оказалась посвящена созданию такой истории.

Если Такахаси и актуализировал Тохоку, и если его ревизионизм был поверхностным, то это было только потому, что монолитная «Япония» порождала монолитное «Тохоку» как противоборствующий субъект истории, а также как источник послевоенной системы ценностей. Действительно, Такахаси вполне может быть подвергнут критике за историческую актуализацию нации-государства.

Но Такахаси не был одинок в этих недостатках. Так, например, марксисты фракции «миндзоку» систематически оперировали редуцированными версиями коллективных идентичностей, поддерживавших консолидацию современной нации и японский милитаризм. Послевоенное возвращение марксистских историков к этнической солидарности посредством преднамеренного стирания различий, а также посредством установления и поддержания мифа о однородной национальной идентичности сыграло центральную роль в восстановлении идеи нации-государства. Все это было призвано создать единый фронт против капитализма, государства и американской оккупации. Получившийся в результате конструкт был лишь зеркальным отражением отвергаемого ими государства.

Труды Такахаси по истории Тохоку и «японского архипелага» выполняли ту же задачу, что и попытка послевоенных марксистов воскресить нацию-этнос. Все это представляло собой обусловленную логикой современных государств репрезентацию этнических и социальных субъектов через ограничение их разнообразия в рамках географический границ государства¹.

¹ Анализ послевоенной марксистской историографии см. Gayle 2003

Часть 5. Хенкё и то, что за ним

В Японии интерес к региональной и местной историям неизменно был сильным, и, если толкование их было не всегда однозначным, то концепция фронта использовалась относительно редко, особенно если дискуссия не касалась Хоккайдо.

Такахаси Томио наблюдал в работах своих предшественников и современников системную неспособность осознать ту роль, которую сыграл конфликт между Востоком/Западом в определении хода островной/японской истории. Однако, по его мнению, концепция фронта Тернера давала возможность понять историю архипелага в системных, теоретических рамках. Вопреки однолинейному движению политических, экономических и культурных процессов, изображенному в национальных историях, центр и периферия, сердце и фронт, метрополия и колония, имперский Другой и Свой являются взаимообуславливающими¹. Фронтирная теория Тернера была универсалистской историографической моделью, выбранной Такахаси для описания разнонаправленных потоков истории архипелага. Такахаси первоначально принял модель «вызова и ответа» Тойнби, но, с использованием Хенкё, Такахаси отказался от этого подхода как от «слишком формального и обобщающего» для японской ситуации. Такахаси обратился к фронтирной теории Тернера, восхищаясь ее, казалось бы, универсальной применимостью (Takahashi 1955; 1979, pp. 12–15). Универсализируя американский опыт, Такахаси соглашался с самим Тернером, который цитируя «Analisi della Proprieta Capitalista» Ахилла Лории, заявлял, «что территория, у которой нет своей истории, ярко демонстрирует ход всемирной истории» (Turner 1920, p. 11).

Фронтирная модель снимала формирующую и разрушительную напряженность между различными культурными, политическими и экономическими системами, которая глубоко затрагивала обе стороны уравнения. Логика Такахаси перекликается с наблюдением Тессы Моррис-Судзуки: «Форма вещей становится яснее, если смотреть на край, чем когда смотришь в центр» (Morris-Suzuki 1994, p. 1).

Как отмечалось выше, история древнего Тохоку была написана почти исключительно как одностороннее завоевание японским государством диких аборигенов Северо-Востока². В противоречивой символике колониальных представлений о «диких туземцах» и их

¹ См., например, Nandy 1989 и Hall 2002. Лимерик выражает ту же самую мысль, когда пишет: «Как и рабство, завоевания тестировали идеалы США. Завоевание глубоко влияли как на завоевателя, так и завоеванного, так же как рабство формировало рабовладельца и раба» (1988 p. 18).

² Как писал Такахаси, «В типичных очертаниях японской истории древний Тохоку сводится лишь к проблеме завоевания эмиси» (Takahashi 1967, p. 35).

землях, Тохоку всегда был нецивилизованной, аполитичной, восточной культурной «пустыней», ожидающей оплодотворения «цивилизационными влияниями» Японии, и одновременно землей плодородной и созревшей для того, чтобы быть завоеванной (Takahashi 1955, pp. 31–32). Открытие в 749 году золота на территории, входящих в современную префектуру Мияги, было для Японии первым значительным ударом, добавившим легко воспламеняющегося топлива к давно тлеющему огню (Takahashi 1963, pp. 190–11). Помня об этом, Такахаси не шел дальше того, чтобы временами намекать, что Северо-восток был «вызовом», а японский экспансионизм – «ответом», что, по сути, являлось всего лишь хитрой уловкой. Ему было совершенно ясно, что существование фронта, богатого ресурсами и землей, было основным двигателем в формировании японского государства, национальной экспансии и консолидации. Как выразился Такахаси в «Хенкё», «фронт создает и государство, и нацию» (Takahashi 1979, pp. 16, 199–202).

Такахаси признал важность концепции фронта в своих ранних работах. В 1955 году его попытка создания «научной» истории Тохоку началась с объединения модели вызова и ответа Тойнби с концепцией «фронтирной политики» (Хенкё кокка 辺境国家), заимствованной из работы Мацумото Синпатио о Римской империи. Такахаси сравнил ответ Северо-востока на вызов, брошенный японским государством, с ответом германских племен на окраине Римской империи. Вслед за Мацумото, Такахаси описал противостояние между римлянами и Германией с точки зрения «фундаментальных законов мировой истории», т. е. «вызова и ответа». Однако, в соответствии с его общим взглядом на историю и его японским историческим проектом, он рассматривал это влияние как улицу с двусторонним движением. А именно, римляне и германские народы влияли друг на друга через торговлю и обмен, а также через войну, и со временем германские племена превратились в государства с более сложными политическими и экономическими структурами¹. Такахаси утверждал, что превращение разрозненных «варварских» племен в яростного и хорошо организованного противника государства, подражающего противнику в общественной и государственной структуре и выступающего в качестве независимой антитезы государственному тезису, было одинаковым как в Европе, так и в Японии. При этом внешняя угроза являлась катализатором развития (Takahashi 1955).

¹ Недавняя работа предоставила нам более детальную картину отношений империи и варваров в Европе, что согласуется, в принципе, с предположением Такахаси об их взаимном влиянии (Heather 2006, 2010)

Первые намеки на интерес Такахаси к Тернеру появляются в главе с подходящим названием «Фронтир» (фуронтия フロンティア) в его «Митиноку но фудо то кокоро *みちのくの風土と心*»¹ 1967 г.:

«Фронтир. Это слово наводит на мысль о истории эпического создания американской нации. Соединенные Штаты с помощью мотыги и лопаты трансформировали идеалы свободы и независимости в национальное развитие, двинувшись на Запад, все дальше на Запад в процессе национального становления. Это [американский] современный национальный миф о рождении ... это современная зарубежная история, в то время как я хочу рассказать историю японского фронтирного управления. Эпоха и масштаб этих двух нарративов различны, но базовая структура фронта и его историческое значение принципиально неизменны» (Takahashi 1967, p. 33).

Тем не менее, за дюжину лет до Хенкё, Такахаси не решался применить эту модель в целом. Он маскировался, заявляя, что «развитие» (кайхацу 開発 или кайтаку 開拓) (его подмена термина «завоевание» (сейбацу 征伐) Северо-востока не было решающим для истории Древней Японии. Самым значительным, в понимании Такахаси 1967 года, является то, что привычный взгляд на Северо-восток, как на вечно бедные и дикие задворки, не может быть единственной исторической правдой. Не существовало способа объяснить, почему государство и многие из его доверенных лиц и резидентов вкладывали на протяжении веков огромные ресурсы в виде десятков тысяч человек и несметных богатств в попытки контролировать Тохоку, если только Север не предлагал ничего взамен. Иногда решающее значение имела земля, иногда богатства, но привлекательность Северо-востока никогда не была однообразной (Takahashi 1967, pp. 35–36).

Неясно, что произошло в промежутке между первоначальными, предварительными набегами Такахаси на японскую теорию фронта и уверенной аргументацией объемом на целую книгу, которые мы находим в Хенкё. Это изменение может быть связано с философским сдвигом, который Такахаси претерпел после знакомства с книгой Какуэя Танаки «Нихон ретто кайдзоро» (日本列島改造論)², в начале 1970-х годов. До этого момента Такахаси надеялся, что новый

¹ *みちのくの風土と心* - «Ветер Митиноку: Земля и сердце». Митиноку – провинция Муцу. Яп. 道奥国, *みちのくに* означает «Дальний край». Таким образом, уже само название территории Митиноку приближает нас к концепции фронта или Дальнего (дикого) Запада, а в российском аналоге – Дальнего Востока. (прим. редактора)

² «Теория реконструкции Японских островов» (прим. редактора)

послевоенный порядок может разорвать порочный круг подчиненного положения Тохоку¹.

В 1972 году премьер-министр Танака изложил смелый план «реформирования японских островов», против которого Такахаси выступил с нетипичной для него резкой критикой. В конкретном ответе он осудил план Танаки как «злой эгалитаризм» и «антигуманное развитие», которое равномерно распространило бы беды современных буржуазных городов на каждую деревню и поселение в Японии. Вместо того, чтобы уничтожать культурное и экономическое разнообразие, писал Такахаси, Япония должна признать и использовать гетерогенность как силу (Takahashi 2004, pp. 478–83).

Возможно, Такахаси увидел в плане Танаки еще одно эхо древней модели японского национального развития через призму подчинения политики, культуры и экономики Северо-востока. Этот вывод присутствует и в таком же гневном пассаже 1976 года в «Тохоку но фудо то рекиси» (東北の風土と歴史), в котором Такахаси писал, что тяга к урбанизации и гомогенизации – «к токиоизации» пейзажа – является одним из проявлений «болезни цивилизации», переживаемой современной Японией. Япония должна начать все сначала, писал он, отказавшись от современности, цивилизации и даже «развитости», чтобы выбрать другой путь, образцом для которого должен стать Тохоку (Takahashi 1976, pp. 301–303).

Но, скорее всего, Такахаси подстегнула работа исторического географа Ямадо Ясухико. Ямадо много читал на английском, французском и немецком, привлекая сравнительный материал для анализа древнеяпонской истории. В своей работе 1976 года «Кодай Тохоку но фурунтиа» (古代東北のフロンティア) Ямада широко использовал иностранную научную литературу о фронтире для анализа проблемы древнего Тохоку. Это сама по себе важная и наводящая на размышления работа, и, вероятно, не случайно, что она вышла на три года раньше «Хенкё». Как и Такахаси в 1950-х и 1960-х годах, Ямада был осторожен в применении фронтирного тезиса Тернера к истории Древнего Тохоку, предпочитая более тонкую картину фронта как контактной (или переходной) зоны между культурами. «Для наших целей термин «фронтир» относится к зоне, в которой система рицурё контактировала с системой эмиси». Утверждая, что все исторические фронтиры имеют общие характеристики, Ямада, однако, обнаружил большее структурное сходство между римским фронтиром и древним Тохоку, чем между

¹ Наиболее оптимистичная работа Такахаси появилась, вероятно, в 1971 г..

Японией и Американским Западом, утверждая, что, поскольку оба представляют собой трансформацию социально-экономических условий и самого ландшафта, римские центурии были похожи на систему землепользования дзори (条理). Подобно Такахаси, он видел в «завоевании» Тохоку аналогии японскому колониальному экспансионизму в Новое время, утверждая, что государственная экспансия в Тохоку была прежде всего поиском экономического решения внутривнутриполитических проблем¹.

Ямада часто цитировал Такахаси, и в 1979 году тот, похоже, отплатил ему тем же с характерным для него талантом и смелостью. В «Хенкё» он утверждал, что, с помощью изменения кардинального направления, тернеровская теория фронта может объяснить суть исторического движения древнего японского государства и помочь понять должное значение роли Северо-востока в этом процессе. Как фронт и «Великий Запад» определили американскую историю и национальный характер в гораздо большей степени, чем любые другие факторы, так и фронтальный проект «Великого Востока» определили характер древнего японского государства; а захват Тохоку был первым крупным государственным проектом рицурё².

В этом контексте термин «фронт» обозначал внешние границы политического влияния государства по мере его расширения. Определенный таким образом, фронт оказывается таковым относительно самопровозглашенного «центра». Опираясь на Ямаду и Кита Садакити (田田貞吉), Такахаси писал, что «фронт» не был фиксированной территорией или территориями, а, скорее, обозначением для подвижных, относительных зон, где происходил контакт с нецивилизованными Другими. «Фронт» обозначает и условие, и процесс: это процесс ассимиляции центром, и условие незавершенности этого процесса. Это выражение недостижимого идеала, а также политической и культурной цели, часто оформленной как цивилизаторская миссия. Для Японии, так же, как и для США, история фронта – это история государственного и национального становления. Тернер писал, что «настоящим краеугольным камнем истории этой нации является не Атлантическое побережье, а Великий Запад», и Такахаси полностью с ним согласился (Turner 1920, p. 3).

¹ Ямада высоко оценил работу Такахаси, как первое системное историческое исследование по «фронтальной структуре древней Японии» и структуре общества эмиси, назвав его «великим маяком для исследований эмиси» (Yamada 1976, p. 29). О системе дзори см. Kito 1986.

² То, что Такахаси называет «Великим Востоком» является совокупностью регионов Адзума (Тюбу-Канто) и Митиноку (Тохоку). Несмотря на существенные различия в истории и характере этих регионов, и, хотя каждый из них был «фронтом» в разные эпохи и разными японскими режимами, Такахаси утверждал, что в каждую эпоху фронт занимал одинаковое место в государственной космологии (Takahashi 1979, p. 19).

Это не должно означать, что Такахаси некритически принял тернеровскую модель, не зная об ее недостатках или критических замечаниях в ее адрес. Напротив, Такахаси из всех сил пытался доказать, что тернеровское видение истории “неразрывно связано с американской империалистической теорией, которая философски коренится в доктрине Явного предназначения”, и что его (тернеровское) определение западного фронта и его места в формировании национального государства игнорировало рабство, уничтожение коренных американцев и благословляло колонизацию Запада как священную миссию. Тем не менее, отмечал Такахаси, именно поэтому модель Тернера применима к японской истории: японская национальная история также низводила преемственность своих фронтиров к непокоренным объектам, и тем самым уничтожала их субъектность (Takahashi 1979, p. 21)¹.

Фронтир никогда не бывает пустой, как и его земля никогда не бывает «свободной», как это описывает национальная история. По мнению Такахаси, Тернер точно изобразил важнейшую роль фронта в определении хода национальной истории, но он не смог признать субъектность коренных жителей фронта. Такахаси не всегда проводил различие между тернеровским фронтиром как универсальной исторической парадигмой и фронтирным тезисом как национальной мифологией, потому что он хотел описать японскую историю, используя как подход Тернера, так и его критиков.

Такахаси, чья миссия заключалась в том, чтобы найти ценность в культуре коренных народов и людях фронта, расходился с Тернером в этой критической точке. Тем не менее, как и в 1967 году, он настаивал на том, что структурное сходство японской и американской истории указывает на аналогичные основополагающие силы и аналогичный исторический курс.

Таким образом, Такахаси, следуя модели Тернера, утверждал, что фронт был центром американской истории. Продвижение на Запад американского поселения было направлением и объяснением американского развития. Фронт служил «спусковым клапаном», обеспечивая снятие напряженности, накопленной на Востоке, был «линией самой быстрой и эффективной американизации», источником инноваций и обновления, которые разрушали «бремя обычая». Трехсотлетний процесс экспансии на Запад отличал американцев от европейцев, создавая «Новых Людей» для «Нового Мира». Фронт породил качества, идеологии и институты, характеризующие Новых

¹ Тернеровская теория является примером не только критической динамики государственного и национального формирования, но и того, что Джеймс Скотт назвал «государственным видением» (Scott 1998, p. 3).

Людей и их Новый Мир, такие как демократия, индивидуализм, изоляционизм и национализм. Это «движение на Запад» на североамериканском континенте было продолжением «движения на запад» через Атлантику (Turner 1920, pp. 1, 4, 38). Тернер писал, что «Старым Западом было Атлантическое побережье», западный «фронт» для так называемых «пилигримов» (Turner 1920, p. 67). Древнее японское государство, также созданное иммигрантами или, по крайней мере, импортированной культурой (Такахаси не конкретизирует это), расширилось за пределы центра в регионе Кинай на юго-западе Японии, что аналогично тринадцати колониям. Это колыбель государства, его культуры, народа, идеалов. Новая Англия и район Кинай (畿内) были крошечными инкубаторами (в обоих случаях всего лишь одна десятая часть от национальной территории), в которых мечты о национальном объединении вынашивались и созревали. Подобно тому, как американские колонии расширялись на Запад, так и государство Кинай обратило свои взоры на Восток. Регионы Тюбу и Канто (Адзума 東国) были вместе японским «Старым Востоком», что эквивалентно «Старому Западу» Тернера. Для Тернера Старый Запад «включает в себя задворки Новой Англии, долину Мохок, Великую долину Пенсильвании, долину Шенандоа и Пидмонт, т.е. внутреннюю или возвышенную часть юга, лежащую между Аллеганями и навигационной частью атлантических рек, отмеченных «Линией водопадов»» (Turner 1920, p. 68)¹. Земля за Аппалачами была «новым Западом», протянувшимся до Тихоокеанского побережья. Тохоку в этой схеме выступало бы «Новым Востоком» (新東部), и Такаси предлагает (возможно в шутку), что Хоккайдо следует называть «Дальним Востоком» (極東部) (Takahashi 1979, pp. 17–20).

Заключение

Когда в 1993 году отмечалась столетняя годовщина плодотворного труда Тернера «Значение фронта в Американской истории», Такахаси был президентом колледжа Мориока. В том же году он написал эссе в журнале колледжа по вопросам культурной компаративистики, в которой продолжил анализ тем, затронутых в «Хенкё». Такахаси вновь вернулся к поиску, путем проб и ошибок, универсальной теории фронтальной истории. Хотя Тернер задумал свою модель как специфичную, а не как общую, Такахаси подтвердил свою убежденность в том, что «теория Тернера выходит за рамки... его

¹ Стандартной моделью для захвата Тохоку – это чередование периодов мира и кровопролитной войны (Imaizumi 1994, pp. 201–207). Это является аналогией Тернеровской идеи множества «линий водопадов» в западном экспансионизме в США (Turner 1920, p. 9).

исторических ограничений, чтобы стать универсальной структурной теорией «Фронтيرا»» (Takahashi 1994, p. 1). Поразительно, что он одновременно пришел к выводу о все еще существовавшем пренебрежительном отношении к изучению Тохоку и фронта. Если Тернер прав, а изучение фронта – это изучение американской нации, то что насчет фронта в Японии? В «Henkyō» («Хёнке»! Везде по-русски, а тут вдруг так!) Такахаси заявил, что его понимание являлось «не просто теорией о том, что фронтиру следует придать больший вес» в истории, а скорее утверждением о том, что фронт является государство- и нациообразующим фактором. «Поэтому без понимания характера, структуры и значения фронта мы не можем даже начать рассматривать государство и народ, а, следовательно, историю и культуру» (Takahashi 1979, p. 16). В 1993 году он отметил, что изучение фронта и, соответственно, Тохоку, остается второстепенным: «Любая тема, которая имеет отношение фронтиру, [рассматривается] как второстепенной или третьестепенной значимости» (Takahashi 1994, p. 2).

Хотя использование Такахаси тернеровской теории фронта никогда не набирало обороты, к началу 1990-х годов ситуация для Тохоку заметно отличалась от 1955 или даже 1979 года. В 1993 году изучение Северо-востока было больше, чем просто респектабельное предприятие «первого класса». Тохоку был в эпицентре ренессанса, который превращал Северо-восток в неотъемлемую часть японской национальной истории. Основой для этого парадигмального поворота послужили работы Такахаси, но внутренние причины перевели тему в новые направления и привлекли к исследованиям Тохоку новые лица и новые идеи.

В 1988 году раскопки в Хираидзуми обнаружили административный центр северного государства. Это открытие, ставшее одной из богатейших в истории археологических находок периода Хэйан, поставило Хираидзуми в центр общественного внимания и проложило путь для его включения в список Всемирного наследия (Hiraizumi Bunka Kenkyūkai 1992, 1993). Выбор в 1993 году корпорацией NHK¹ пятитомной саги «Хомура тацу» (炎立つ)² японского писателя Такахаси Кацухико (高橋克彦) в качестве ведущей исторической драмы года о Хираидзуми не было случайностью.

В 1992 году археологический памятник Саннай-Маруяма (三内丸山) в префектуре Аомори произвел революцию в общественном

¹ NHK – Японская телерадиовещательная корпорация (прим. редактора).

² Хомура тацу – вторая часть сериала, снятого в жанре тайга-дорама корпорации NHK, посвященного становлению власти клана Осю-Фудзивара в Тохоку. В российском сегменте эта дорама носит название «Огонь все еще горит» (прим. редактора).

восприятию доисторического периода Дземон, предшествующего внедрению риса с материка. Этот живописный исторический памятник вызвал настоящий «бум Дземон», который привлек сотни тысяч туристов со всех уголков Японии (Habu and Fawcett 1999; Hudson 2003). Значимость «бума Дземона» в формировании национальных образов невозможно переоценить. Но, к сожалению, мы не можем здесь подробнее остановиться на этом вопросе. Достаточно сказать, что впервые Дземон был признан публикой как часть национальной истории. Кроме этого, признанная группа интеллектуалов, с самым выдающимся среди них Умехарой Такеси, увидели в доаграрном Дземоне истинные корни японской культуры (Umehara 1990, 1994, 2001)¹. Поскольку культура Дземон была самой богатой в Тохоку, подразумевалось, что корни японской нации должны быть найдены на Северо-востоке (Kataoka 1997). Это было не что иное, как инверсия ценностей, на которые надеялся Такахаси и ради которых работал. Продолжающийся пессимизм Такахаси тем более примечателен, когда он рассматривается на этом фоне. Правда, это было только начало бума Дземона и переоценки Тохоку вместе с ним, но будущее, тем не менее, должно было выглядеть радужным.

Возможно, Такахаси был встревожен собственным угасающим влиянием. Раскопки в Хираидзуми в 1988 году изменили игровое поле, и документирование истории стремительно сокращалось до археологии. Возвышение Такахаси даже среди историков было под угрозой, поскольку новое поколение ученых взяло на себя ведущую роль. Более того, его успех доказывал его падение: Такахаси становился парадигмой, которую нужно преодолеть, а не борцом, преодолевающим парадигмы. Действительно, Норио Акасака, сменивший Такахаси в начале 1990-х гг. на посту мэтра Тохоку, недвусмысленно отверг историческую модель «фронтира», утверждая, что его “Тохокулогия” (тохокугаку 北北学) стремилась изначально «демонтировать и преодолеть мнение о Тохоку как о фронтире (хенкё сикан 辺境史観)» (Akasaka 1998, pp. 253–54).

Тем не менее, хотя Акасака осудил фронтирную модель, он сделал это ради той же цели, с которой Такахаси применил тезис Тернера: повышение значимости истории и культуры Тохоку. В конце концов, несмотря на тревогу Такахаси о том, что его фронтирная теория так и не стала популярной, его большой замысел —

¹ К моменту открытия Саннай Маруямы Умехара уже признал, что Япония является синтезом противостоящих культур Востока-Запада. Саннай Маруяма только укрепил это убеждение. Примечательно, однако, что отступничество Умехары произошло в 1980-х гг (Umehara 1976). Окамото Таро был первой крупной послевоенной фигурой, “открывшей” Дземон, и его работы сохраняют значимость до сегодняшнего дня (Okamoto 1957, 1999; Sasaki 2006; Akasaka 2007).

восстановление Северо-востока - похоже, на данный момент был удивительно успешен.

Список литературы

- Akasaka, N. 赤坂憲雄 (1998). *Tōhoku runessansu 東北 ルネッサンス*. Sakuhinsha.
- Akasaka, N. (2003). *Nihon saikō: Tōhoku Runessansu e no joshō 日本再考: 東北 ルネッサンスへの序章*. Sōdōsha.
- Akasaka, N. (2007). *Okamoto Tarō no mita Nihon 岡本太郎の見た日本*. Iwanami Shoten.
- Allen, G. C. (2003). *A Short Economic History of Modern Japan, 1867–1937*. Psychology Press, 2003.
- Amino, Y. 網野善彦 (1982). *Higashi to nishi no kataru Nihon no rekishi 東と西の語る日本の歴史*. Soshiete Bunko.
- Aston, W. G. (1972). *Nihongi: Chronicles of Japan from the Earliest Times to A.D. 697*. 2 vols. C.E. Tuttle Co.
- Barshay, A. (1988). *State and Intellectual in Imperial Japan: The Public Man in Crisis*. University of California Press.
- Barshay, A. (1992). Imagining Democracy in Postwar Japan: Reflections on Maruyama Masao and Modernism. *Journal of Japanese Studies*, pp. 365–406.
- Brinkley, A. (1992). The Western Historians: Don't Fence Them In—New York Times. *New York Times*, September 20.
- Caldwell, K. (2013). *The Funds to Back for 'Frontier' Stock Markets*. Retrieved from Telegraph.co.uk, November 23, sec. Personal Finance
<http://www.telegraph.co.uk/finance/personalfinance/investing/10467126/The-funds-to-back-for-frontier-stock-markets.html>.
- Carveth, R. & Metz J. M. (1996). Frederick Jackson Turner and the Democratization of the Electronic Frontier. *The American Sociologist* (27:1), pp. 72–90
- Chase-Dunn, C. & Hall, T. D. (1997). *Rise and Demise: Comparing WorldSystems. New Perspectives in Sociology*. Westview Press
- Chō, Y. 長幸男 (1965). "Seisaku no hekichi" ga unda mono: Tōhoku kyōsaku 「政策の僻地」が生んだもの. *Asahi Journal 朝日ジャーナル*, (7:17), pp. 78–85.
- Dann, M. (2013). The Frontier in Israeli History. *Jerusalem Post*, (June 14): Opinion, p. 36.
- Davis, M. (2001). *Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World*. Verso.

- Davis, R. (2005). Introduction: Transforming the Frontier in Contemporary Australia. In *Dislocating the Frontier: Essaying the Mystique of the Outback*, ed. Deborah Bird Rose and Richard Davis. Australian National University Press, pp. 7–22. Retrieved from <http://epress.anu.edu.au/?p=109431>.
- Dower, J. (1999). *Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II*. W.W. Norton & Co.
- Eccles, W. J. (1983). *The Canadian Frontier, 1534–1760*. University of New Mexico.
- English-Lueck, J. (1994). Turner and Frontier Values: Optimistic Postindustrial Enclaves in China and Silicon Valley. *Comparative Civilizations Review*, (31), pp. 106 –123.
- Friday, K. F. (1997). Pushing beyond the Pale: The Yamato Conquest of the Emishi and Northern Japan. *Journal of Japanese Studies*, (23:1), pp. 1–24.
- Furniss, E. (2005). Imagining the Frontier: Comparative Perspectives from Canada and Australia. In *Dislocating the Frontier: Essaying the Mystique of the Outback*, ed. Deborah Bird Rose and Richard Davis. Australian National University Press, pp. 23–46.
- Garon, Sh. (1994). Rethinking Modernization and Modernity in Japanese History: A Focus on State-Society Relations. *The Journal of Asian Studies*, (53:2), pp. 346–66.
- Gayle, C. A. (2003). *Marxist History and Postwar Japanese Nationalism*. Routledge.
- Habu, J. & Fawcett, C. (1999). Jomon Archaeology and the Representation of Japanese Origins. *Antiquity*, (73:281), pp. 587–93.
- Hall, C. (2002). *Civilising Subjects: Colony and Metropole in the English Imagination, 1830–1867*. University of Chicago Press.
- Hane, M. (2003). *Peasants, Rebels, Women, and Outcasts: The Underside of Modern Japan*. Rowman & Littlefield.
- Hara, K. (1920). *An Introduction to the History of Japan*. G.P. Putnam's Sons.
- Hara, K. 原勝郎 (1972). Nihon shijō no Ōshū 日本史上の奥州. In *Ōu enkaku shiron 奥羽沿革史論*, ed. Nihon Rekishi Chiri Gakkai 日本歴史地理学会. Rekishi Toshosha, pp. 27–139.
- Heather, P. J. (2006). *The Fall of the Roman Empire: A New History of Rome and the Barbarians*. Oxford University Press.
- Heather, P. J. (2010). *Empires and Barbarians: The Fall of Rome and the Birth of Europe*. Oxford University Press.

- Hiraizumi, B. K. ed. 平泉文化研究会 (1992). *Ōshū Fujiwara shi to Yanagi no Gosho ato* 奥州藤原氏と柳之御所跡. Yoshikawa Kōbunkan.
- Hiraizumi, B. K. ed. 平泉文化研究会 (1993). *Nihonshi no naka no Yanagi no Gosho ato* 日本史の中の柳之御所跡. Yoshikawa Kōbunkan.
- Hopson, N. (2013). Sengo shisō to shite no Tōhoku: Takahashi Tomio o chūshin ni 戦後思想としての東北: 高橋富雄を中心に. In *Gurōbaruka no naka no Nihonshi zō: “Chōki no jūkyū seiki” o ikita chiiki* グローバル化のなかの日本史像: 「長期の一九世紀」を生きた地域, ed. Namikawa Kenji 浪川健治 and Kawanishi Hidemichi 河西英通. Iwata Shoin.
- Hudson, M. (2003). Foragers as Fetish in Modern Japan. *Senri Ethnological Studies*, (63), pp. 263–74.
- Huntington, E. (1915). *Civilization and Climate*. Yale University Press.
- Ichinohe, F. (1997). 一戸富士夫. Joshō: Tōhoku minshū kara mita jūgonen sensō zenshi 序章: 東北民衆から見た十五年戦争前史. In *Kataritsugu Tōhoku to jūgonen sensō* 語りつぐ東北と十五年戦争, ed. Rekishi Kyōikusha Kyōgikai Tōhoku Burokku 歴史教育者協議会東北ブロック. Sanseidō, pp. 12–37.
- Ida, M. 井田実 (1997). Shōwa kyōkōka no nōson ni okeru musume miuri no jittai wa 昭和恐慌下の農村における娘身売りの実態は. In *Kataritsugu Tōhoku to jūgonen sensō* 語りつぐ東北と十五年戦争, ed. Rekishi Kyōikusha Kyōgikai Tōhoku Burokku 歴史教育者協議会東北ブロック. Sanseidō, pp. 60–64.
- Imaizumi, T. 今泉隆雄 (1994). Kodai Tōhoku no minami to kita 古代東北の南と北. In *Kita Nihon no kōkogaku: Minami to kita no chiikisei* 北日本の考古学: 南と北の地域性, ed. Rekishi Kyōikusha Kyōgikai Tōhoku Burokku 歴史教育者協議会東北ブロック. Yoshikawa Kōbunkan, pp. 201–243.
- Ishiyama, N. 石山徳子 (2011). Genshiryoku hatsuden to sabetsu no saiseisan: Minesotashū Pureirī Airando Genshiryoku Hatsudensho to senjūmin” 原子力発電と差別の再生産: ミネソタ州プレイリー・アイランド原子力発電所と先住民. *Rekishigaku kenkyū* 歴史学研究, (884), pp. 48–53.
- Iwamoto, Y. 岩本由輝 (1998). Tōhoku kaihatu o kangaeru: Uchi kara no kaihatu/soto kara no kaihatu” 東北開発を考える: 内からの開発・外からの開発. In *Rekishi no naka no Tōhoku: Nihon no Tōhoku, Ajia no Tōhoku* 歴史のなかの東北: 日本 の 東北・アジアの東北

- , ed. Tōhoku Gakuin Daigaku Shigakuka 東北学院大学史学科. Kawade Shobō Shinsha, pp. 237–67.
- Iwamoto, Y. 岩本由輝 (2009). *Tōhoku kaihatsu hyakunijūnen 東北開発百二十年*. Tōsui Shobō.
- Kabayama, K., 樺山紘一 Iwamoto, Y. 岩本由輝 & Yoneyama, T. 米山俊直 (1984). *Taiwa: "Tōhoku" ron 対話「東北」論*. Fukutake Shoten.
- Kataoka, M. (1997). Hunting and Gathering the Past. *Look Japan* (43:496), p. 39.
- Kawanishi, H. 河西英通 (1996). *Kindai Nihon no chiiki shisō 近代日本の地域思想*. Madosha.
- Kawanishi, H. (2000). Tōhoku'shi no imi to shatei 〈東北〉史の意味と射程. *Rekishigaku kenkyū 歴史学研究*, (742), pp. 90–98.
- Kawanishi, H. (2001). *Tōhoku: Tsukurareta ikyō 東北: つくられた異境*. Chūō Kōron Shinsha.
- Kawanishi, H. (2007). *Zoku Tōhoku: Ikyō to genkyō no aida 続・東北: 異境と原境のあいだ*. Chūō Kōron Shinsha.
- Kawanishi, H. (2011). *Tōhoku o yomu 東北を読む*. Mumyōsha Shuppan.
- Kersten, R. (2004). Defeat and the Intellectual Culture of Postwar Japan. *European Review*, (12:4), pp. 497–512.
- Khodarkovsky, M. (1992). From Frontier to Empire: The Concept of the Frontier in Russia, Sixteenth-Eighteenth Centuries. *Russian History*, (191:4), pp. 115–28.
- Kikuchi, I. 菊池勇夫 (2002). Hōhō to shite no chiiki (Tōhokushi zō o megutte) 方法としての地域: 東北史像をめぐる. In *Nihon o toinaosu 日本を問いなおす*, ed. Akasaka Norio 赤坂憲雄 et al. Ikutsumo no Nihon いくつもの日本1. Iwanami Shoten.
- Kita, S. 喜田貞吉 (1972). Emishi no junzoku to Ōu no takushoku” 蝦夷の馴属と奥羽の拓殖. In *Ōu enkaku shiron 奥羽沿革史論*, ed. Nihon Rekishi Chiri Gakkai 日本歴史地理学会. Rekishi Toshosha, pp. 27–139.
- Kita, S. 喜田貞吉 (1979a). Azumabito kō 東人考. In vol. 9 of *Kita Sadakichi chosakushū 喜田貞吉著作集*. Heibonsha.
- Kita, S. 喜田貞吉 (1979b). Hitakami no Kuni no kenkyū 日高見国の研究. In vol. 9 of *Kita Sadakichi chosakushū 喜田貞吉著作集*. Heibonsha, 1979.
- Kito, K. (1986). *Brief History of Development of Ancient and Medieval Land Systems in Japan. Dialogues d'histoire ancienne*, (12:1), pp. 457–69.

- Klein, K. L. (1996). Reclaiming the "F" Word, or Being and Becoming Postwestern. *Pacific Historical Review*, (65:2), pp. 179–215.
- Kogita, T. 小木田敏彦 (2009). Tōhoku' no tanjō: Bunka sesshoku no mondai to shite 「東北」の誕生: 文化接触の問題として. *The Journal of Humanities and Sciences*, (22), pp. 14–32.
- Kovalio, J. (1994). A.J. Toynbee and Japan. In *Japan in Focus*, ed. Jacob Kovalio. Captus University Publications, pp. 301–312.
- Kudō, M. 工藤雅樹 (2000). *Kodai Emishi 古代蝦夷*. Yoshikawa Kōbunkan.
- Kudō, M. 工藤雅樹 (2001). *Emishi no kodaishi 蝦夷の古代史*. Heibonsha.
- Limerick, P. N. (1988). *The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West*. Norton.
- Limerick, P. N. (1995). Turnerians All: The Dream of a Helpful History in an Intelligible World. *The American Historical Review*, (100:3), pp. 697–716.
- Mann, Ch. C. (2005). *1491: New Revelations of the Americas before Columbus*. Knopf.
- Melbin, M. (1978). Night as Frontier. *American Sociological Review*, (43:1), pp. 3–22.
- Mori, T. 森武磨 (1976). Tōhoku chihō ni okeru nōson keizai kōsei undō to yokusan taisai 東北地方における農村経済更生運動と翼賛体制. *Economic Review of Komazawa University*, (8:1), pp. 113–63.
- Morris-Suzuki, T. (1994). Creating the Frontier: Border, Identity and History in Japan's Far North. *East Asian History*, (7), pp. 1–24.
- Nandy, A. (1989). *The Intimate Enemy: Loss and Recovery of Self under Colonialism*. Oxford University Press, U.S.A.
- Oguma, E. 小熊英二 (2002). "Minshu" to "aikoku": Sengo Nihon no nashonarizumu to kōkyōsei 〈民主〉と〈愛国〉: 戦後日本のナショナリズムと公共性. Shin'yōsha.
- Oguma, E. 小熊英二 (2007). *Postwar Japanese Intellectuals' Changing Perspectives on 'Asia' and Modernity*. Trans. Roger Brown. Retrieved from Japan Focus <http://www.japanfocus.org/-OgumaEiji/2350>.
- Okada, T. 岡田知弘 (1983a). Nihon teikoku shugi keiseiki ni okeru Tōhoku kaihatsu kōsō (ge): (Dai ichiji) Tōhoku Shinkōkai no katsudō o chūshin ni" 日本帝国主義形成期における東北開発構想 (下): (第一次) 東北振興会の活動を中心に. *Keizai ronsō 経済論叢*, (132:1–2), pp. 71–87.

- Okada, T. 岡田知弘 (1983b). “Nihon teikoku shugi keiseiki ni okeru Tōhoku kaihatsu kōsō (jō): (Dai ichiji) Tōhoku Shinkōkai no katsudō o chūshin ni” 日本帝国主義形成期における東北開発構想 (上): (第一次) 東北振興会の活動を中心に. *Keizai ronsō 經濟論叢*, (131:1–2), pp. 32–48.
- Okada, T. 岡田知弘 (2012). Tōhoku no chiiki kaihatsu no rekishi to aratana chiiki zukuri 東北の地域開発の歴史と新たな地域づくり. *Shakai shisutemu kenkyū 社会システム研究*, (24), pp. 15–32.
- Okamoto, T. 岡本太郎 (1957) Iwate: Nihon geijutsu fudoki (5) 岩手: 日本芸術風土記5. *Geijutsu shinchō 芸術新潮*, (8:8), pp. 77–87.
- Okamoto, T. (1999). *Nihon no dentō 日本の伝統*. Misuzu Shobō.
- Penney, M. (2012). Nuclear Nationalism and Fukushima. *Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. Retrieved from <http://www.japanfocus.org/-matthew-penney/3712>.
- Perdue, P. C. (2005). *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Belknap Press of Harvard University Press.
- Pérez-Agote, A. (2006). *The Social Roots of Basque Nationalism*. University of Nevada Press.
- Sasaki, F. (2012). *Nationalism, Political Realism and Democracy in Japan: The Thought of Masao Maruyama*. Routledge Contemporary Japan Series. Taylor and Francis.
- Sasaki, M. 佐々木勝 (2006). “Jōmon no bi”: Okamoto Tarō to sono shūhen 「縄文の美」: 岡本太郎とその周辺. *Iwate Kenritsu Hakubutsukan dayori 岩手県立博物館だより*, (111), p. 6.
- Scott, J. (1998). *Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press.
- Sixsmith, M. (2012). *Russia: A 1,000 Year Chronicle of the Wild East*. Overlook Press.
- Slotkin, R. (1973). *Regeneration through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600–1860*. University of Oklahoma Press.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (1950). Genten hihan e no shiron” 原典批判への試論. *Bunka 文化*, (14:1), pp. 26–37.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (1955). Tōhoku kodai no kaitaku 東北古代の開拓. In *Tōhokushi no shin kenkyū 東北史の新研究*, ed. Furuta Ryōichi Hakushi Kanreki Kinenkai 古田良一博士還暦記念会. Bunri Tosho Shuppansha, pp. 31–61.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (1959). Kōza: Nihon shigaku shisōshi kōhen (kindai hen), kindai shigaku no keifu dai rokkō (minzoku no rekishigaku)” 講座: 日本史学思想史後編 (近代編) 近代私学の系

- 譜 第六講 民族の歴史学. *Nihon rekishi 日本歴史*, (129), pp. 98–105.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (1963). *Ezo 蝦夷*. Edited by Nihon Rekishi Gakkai 日本歴史学会 Yoshikawa Kōbunkan.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (1967). *Michinoku: Fūdo to kokoro みちのく: 風土と心*. Shakai Shisōsha.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (1971). *Hiraizumi no seiki: Fujiwara no Kiyohira 平泉の世紀: 藤原清衡*. Shimizu Shoin.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (1976). *Tōhoku no fūdo to rekishi 東北の風土と歴史*. Yamakawa Shuppansha.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (1979). *Henkyō: Mō hitotsu no Nihonshi 辺境: もう一つの日本史*. Kyōikusha Shuppan.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (1986). *Sōron: Tōhoku kodaishi no ichizuke 総論: 東北古代史の位置づけ*. In *Tōhoku kodaishi no kenkyū 東北古代史の研究*. Yoshikawa Kōbunkan, pp. 3–14.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (1994). *Amerika no furontia gakusetsu to Nihon no henkyō shigaku アメリカのフロンティア学説と日本の辺境史学*. *Hikaku bunka kenkyū nenpō 比較文化研究年報*, (6), pp. 1–17.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (2004). *Tōhoku no rekishi to kaiatsu 東北の歴史と開*. In vol. 4 of *Takahashi Tomio Tōhokugaku ronshū 高橋富雄東北学論集*. Rekishi Shunjū Shuppan.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (2007a). *Mō hitotsu no Nihon” もう一つの日本*. In vol. 6 of *Takahashi Tomio Tōhokugaku ronshū 高橋富雄東北学論集*. Rekishi Shunjū Shuppan.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (2007b). *Nihonshi no higashi to nishi” 日本史の東と西*. In vol. 6 of *Takahashi Tomio Tōhokugaku ronshū 高橋富雄東北学論集*. Rekishi Shunjū Shuppan.
- Takahashi, T. 高橋富雄 (2008). *Kodai Emishi o kangaeru” 古代蝦夷を考える*. In vol. 7 of *Takahashi Tomio Tōhokugaku ronshū 高橋富雄東北学論集*. Rekishi Shunjū Shuppan.
- Takahashi, T. & Umehara T. eds (1985). *Shinpojiumu Tōhoku bunka to Nihon: Mō hitotsu no Nihon シンポジウム 東北 文化と日本: もう一つの日*. Shōgakukan, 1985.
- Takemitsu, M. 武光誠 (1994). *Kodai Tōhoku, matsurowanu mono no keifu 古代東北まつろわぬ者の系譜*. Mainichi Shinbunsha.
- Tanikawa, T. 谷川徹三 (1971). *Jōmonteki genkei to Yayoiteki genkei 縄文の原型と弥生の原型*. Iwanami Shoten.

- Troen, S. I. (1999) Frontier Myths and Their Applications in America and Israel: A Transnational Perspective. *The Journal of American History*, (86:3), pp. 1209–1230.
- Turner, F. J. (1893). *The Significance of the Frontier in American History*". Retrieved from <http://xroads.virginia.edu/~Hyper/turner/chapter1.html>.
- Turner, F. J. (1896). The Problem of the West. *Atlantic Monthly*, (78). Retrieved from <http://www.theatlantic.com/past/docs/issues/95sep/ets/turn.htm>.
- Turner, F. J. (1920). *The Frontier in American History*. H. Holt and Co.
- Umehara, T. 梅原猛 (1976). *Nihon bunkaron 日本文化論*. Kōdansha Gakujutsu Bunko 講談社学術文庫22. Kōdansha.
- Umehara, T. 梅原猛 (1990). Joshō Nihon to wa nan na no ka: Nihon kenkyū no kokusaika to Nihon bunka no honshitsu 序章日本とは何なのか: 日本研究の国際化と日本文化の本質. In *Nihon to wa nan na no ka: Kokusaika no tadanaka de 日本とは何なのか: 国際化のただなかで*, ed. Umehara Takeshi. Nihon Hōsō Shuppan Kyōkai, pp. 6–20.
- Umehara, T. 梅原猛 (1994). *Nihon no shinsō: Jōmon-Emishi bunka o saguru 日本の深層: 縄文・蝦夷文化を探る*. Shūeisha.
- Umehara, T. 梅原猛 (2001). *Jōmon bunmei no imi 縄文文明の意味*. Tokamachi City Museum.
- Umehara, T. 梅原猛 (2009). Ancient Postmodernism. *New Perspectives Quarterly*, (26:4), pp. 40–54.
- Umehara, T. & Azuma, H. (2012). Kusaki no seiki suru kuni: Kyōto 草木の生起する国: 京都. *Shisō chizu β 思想地図β*, (3), pp. 302–324.
- Wallerstein 2004
- Immanuel Wallerstein. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Duke University Press, 2004.
- Wieczynski, J. L. (1974). Toward a Frontier Theory of Early Russian History. *Russian Review*, (33:3), pp. 284–95.
- Wigen, K. (1995). *The Making of a Japanese Periphery, 1750–1920*. University of California Press.
- Won, Sh. (2013) A Whole New Frontier in Emerging Markets. *The Globe and Mail (Canada)*(February 26). *Report on Business: Globe Investor Markets*, Number Cruncher, p. 18.
- Yamada, Y. 山田安彦 (1976). *Kodai Tōhoku no furontia: Tōhoku Nihon ni okeru ritsuryō kokka to Ezo no zen' i chitai ni kansuru rekishi chirigakuteki kenkyū 古代東北のフロンティア: 東北日本における*

- る律令国家と蝦夷の漸移地帯に関する歴史地理学的研究. Kokon Shoin.
- Yamashita, F. 山下文男 (2001). *Shōwa Tōhoku daikyōsaku: Musume miuri to kesshoku jidō* 昭和東北大凶作: 娘身売りと欠食児童. Mumyōsha Shuppan.
- Yasumaru, Y. 安丸良夫 & Gluck, C. (1995). *Sengo gojūnen kioku no chihei: Nihon, Yōroppa, Ajia kōsaku suru nashonarizumu* 戦後50年記憶の地平: 日本・ヨーロッパ・アジア交錯するナショナリズム. *Sekai 世界*, (615), pp. 22–34.
- Yiengpruksawan, M. (1998). *Hiraizumi: Buddhist Art and Regional Politics in Twelfth Century Japan*. Harvard University Press.
- Yoneyama, L. (1999). *Hiroshima Traces: Time, Space, and the Dialectics of Memory*. University of California Press.

TAKAHASHI TOMIO'S HENKYŌ: EASTERN EASTS AND WESTERN WESTS¹

Hopson, N.

DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10029

Hopson Nathan, Associate Professor of Graduate School of Humanities, Nagoya University, Furocho, Chikusa Ward, Nagoya, Aichi Prefecture 464-8601, Japan
E-mail: nathan.hopson@gmail.com

In 1979, historian Takahashi Tomio applied Frederick Jackson Turner's "frontier thesis" to the history of Japanese state and national formation, arguing that as the Western frontier had determined American national character, the Eastern frontier had determined the course of ancient Japanese history and the character of Japan itself. Takahashi was a scholar of Northeast Japan (Tōhoku) who attempted to transcend the limitations of Japanese history with a structural model recognizing the mutually constitutive nature of core and periphery, metropole and frontier. This article traces the development of Takahashi's argument, with attention to the influence of his personal history and the universalist tendencies of early postwar Japanese historiography. Ultimately, Takahashi's appropriated frontier thesis did not catch on, and his prominence in Tōhoku studies diminished. However, the so-called "Jōmon boom" of the early 1990s and the rise of "Tōhoku-ology" (Tōhokugaku) accomplished his goal of imparting value to the Northeast better than his frontier thesis could have. On the other hand, the frontier thesis was explicitly rejected by Tōhokugaku's leading

¹ The editors of the JFS are grateful to Dr. Nathan Hopson and the "Japan Review" Editorial Board for granting the permission to translate and publish the article Hopson, N. (2014) Takahashi Tomio's Henkyō: Eastern Easts and Western Wests. *Japan Review*, (27), pp. 141–170.

figure, Akasaka Norio, as an expression not of universal historical laws, but of a view of the Northeast as a backward periphery to be conquered and exploited.

Keywords: frontier, Frederick Jackson Turner, Tōhoku, universalism, historiography, postwar thought, regionalism, Umehara Takeshi, Akasaka Norio, Emishi